

Дебют в "Живой Ленте".

Александр Куликов, Владивосток (Россия)

Танго-сюита имени Бориса Поплавского

1. Черная свадьба

Дождь прошел, и зеленые кроны,
как мохито со льдом, засверкали.
В этих кронах орали вороны,
будто черную свадьбу справляли.

В черных фраках, муаровых лентах
кавалеры, нет, кавалергарды:
крылья грузные – как эполеты,
клювы грозные – будто кокарды.

С белоснежным лицом юной гейши
и червями источенным телом,
улыбаясь улыбкой милейшей,
Смерть-невеста меж ними сидела.

И с улыбкою светлою тоже,
в твид двубортный и галстук одетый,
на атласном супружеском ложе
ждал жених ласки черной Одетты.

И слетела она не дурнушкой –
полногрудой японской голубкой.
И присела к нему на подушку,
распахнув черный хвост, будто юбку.

Музыканты играли Шопена.
Лабух плакал на черном кларнете.
Облаков белоснежная пена
оседала, и бегали дети.

Это было вчера на Стромынке,
у Бахрушинской, в самом начале.
Моцареллою свежей простынки
на поникших веревках рыдали.

И орали вороны, орали
что-то из миннезингерских арий
и, слетая на землю, клевали
тело голубя на тротуаре.

2. Падший ангел

Падший ангел сидит на скамейке весеннего парка.
За щекой карамель, а в глазах ледяная тоска.

Падший ангел снимает свой твидовый плащ – ему жарко,
плащ свой твидовый цвета морского с прибоем песка.

И тогда на груди открывается страшная рана –
роза красная, *rosa candida* убитой любви.
И тогда извлекается жалкой рукой из кармана
бумажный платок, весь в слезах и невинной крови.

Дворник с бляхою шаркает черной метлой по дорожкам,
подметает окурки раздумий, надежд и тревог.
Карапуз на коленях у няни, как будто на дрожках,
засыпает и видит, что он – это Бог.

Он стоит на вершине, вокруг него райские кущи,
где красивые птицы поют на семи языках.
Падший ангел подходит к нему, говоря: «Вездесущий,
ты прости меня, я так устал быть изгоем в веках».

И светлеет у ангела лик его темный с прыщами.
И прощает его тот, у чьих он склоняется ног,
и прощает его, и прощает его, и прощает,
и прощает его, ибо каждый прощающий – Бог.

И бегут они, мальчик и ангел, касаясь руками,
по лугам изумрудным, Элизиум смехом будя,
и резвятся они, и болтают друг с другом стихами –
падший ангел и ставшее Богом дитя.

И лежат облака перед ними, как в море атоллы,
облака розовые, и где-то в Сантьяго дожди,
под навесом на сцене звучит «Либертанго» Пьяцоллы –
махаон перламутровый так и взлетел бы с груди.

Он взлетел бы! Но жизнь – это все-таки скучная проза.
Просыпается мальчик у няни, задумчив и тих.
На дорожке платок, на скамейке увядшая роза.
В небе серые голуби. Белого нет среди них.

3. Прощание с Мореллой

В этот час, когда веранды ресторанов
заполняются вечернею толпой,
и, как лебеди, кричат катамараны,
и о скалы разбивается прибой,

а на небе карлик солнце, багровея,

воспалется, как Полифема глаз,
отразивший алый мак в руке Морфея,
в этот поздний для прогулок, крайний час

ты идешь по пляжу босиком, Морелла,
беззаботное и смуглое дитя,
ветерок как будто лепит твоё тело,
мягко складками хитона шелестя.

И смолкают даже циники в буфете,
проводя взглядом твой наивный стан.
О Морелла, говорят, на белом свете
есть немало удивительнейших стран.

Вон стоит высокий лайнер у причала,
белоснежный, будто чайка на волне.
Он в Австралию отправится сначала
и, в конце концов, окажется на дне.

Осьминоги, каракатицы и скаты
станут жителями палуб и кают,
каулерпою покрытые канаты
задевая, как лианы, там и тут.

И над мачтой, где огонь святого Эльма
обещал спасенье и удачу впрок,
остановится, светясь, тараша бельма,
рыба-призрак, золотой опистопрокт.

Глазом сложным разглядит он в донном иле
руку милую, хватавшую консоль.
О Морелла! Это лучше, чем в могиле,
как забытая на почте бандероль...

4. Смерть Бучеры

Умер Бучера, умер проклятый, умер в субботу, умер!
Хоть поначалу не было знака, не было даже намека.
Как из ведра, как из бочки железной лил накануне ливень,
как и любил покойный Бучера больше всего на свете.

Струи хлестали, хлопали ставни, капли долбили камни,
все мостовые реками стали, ветер скакал по скатам
и пригибал деревья и мачты шхун и фелюг рыбацких,
сами собою на колокольне колокола звонили,

мчались коляски, брызги в прохожих из-под колес летели,
как обезумев, с гиком возницы мокрых коней хлестали,
окна звенели в лавке и громко лаялись две сеньоры –
всё, как любил покойный Бучера больше всего на свете.

Нищие, паперть покинув, скакали на костылях к воротам.
Вслед им раскаты грома катились, как по камням сентаво.
Молний клинки о кресты ломались на городском кладбище,
там, где сегодня камень надгробный лег на его могилу.

Вот оно, солнце, каким бывает, тетушка Кармелита.
Сколько сегодня яркого света на небесах разлито!
Окна и лужи светом играют, точно мячом, в пелоту.
Чайки, весело перекликаясь, машут «Счастливо!» флоту.

И напевает лоцман и боцман, даже колодник в трюме:
«Умер Бучера, умер проклятый, умер в субботу, умер!»
Умер Бучера, и на лужайке в парке жарят асадо.
Льются мальбек и цереза рекою, нет! уже водопадом.

Как обезумев, с гиком возницы возят весь день задаром.
Флейта смеется, туба хохочет, и бандеон, и гитара!
И до заката пляшут милонгу, слушают «Кумпарситу».
Вот оно, счастье, каким бывает, тетушка Кармелита.

Милая тетушка, но почему же в черное ты одета?
И почему ты горькие слезы льешь всю ночь до рассвета?
Горькие слезы льются и льются, дождь набирает силу
там, где сегодня камень надгробный лег на его могилу.

